

Роберт Стивенсон

Ночлег

Новые тысячи и одна ночь

Роберт Льюис Стивенсон

Ночлег

«Public Domain»

1877

Стивенсон Р.

Ночлег / Р. Стивенсон — «Public Domain», 1877 — (Новые тысячи и одна ночь)

«Был поздний ноябрьский вечер 1456 года. Над Парижем непрерывно шел снег; иногда порывы ветра обращали его в вихри; порою ветер затихал, и хлопья за хлопьями, бесшумно крутясь, безостановочно сыпались с темного неба. Бедным людям, выглядывавшим из-под намокших ресниц, казалось просто чудом, откуда все это сыплется без конца...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Роберт Стивенсон

Ночлег

История Франсуа Вильона

A Lodging for the Night, 1877

* * *

Был поздний ноябрьский вечер 1456 года. Над Парижем непрерывно шел снег; иногда порывы ветра обращали его в вихри; порою ветер затихал, и хлопья за хлопьями, бесшумно крутясь, безостановочно сыпались с темного неба. Бедным людям, выглядывавшим из-под намокших ресниц, казалось просто чудом, откуда все это сыплется без конца.

Франсуа Вильон, сидя у окна таверны, пытался сообразить, отчего это происходит: оттого ли, что языческий Юпитер ошипывает гусей на Олимпе, или это просто линяют святые ангелы? Но Франсуа был только бедный «свободный художник», и когда дело шло о чем-нибудь божественном, он не отваживался делать выводы. Старый священник из Монтаржи, с глуповатым лицом, тоже находившийся в компании, угощал молодого бездельника бутылкой вина, сопровождая это остротами и прибаутками, и клялся своей седой бородой, что в возрасте Вильона он был таким же неверующим псом.

Воздух был сырой и пронизывающий, почти морозный. Падали большие, липкие и густые хлопья снега. Весь город был покрыт им. Целая армия могла бы пройти по нему из конца в конец, и шагов ее не было бы слышно. Если бы в эту ночь были в воздухе птицы, то они увидели бы остров, похожий на большой белый лоскут, а парижские мосты показались бы им белыми непрочными перекладами на черном фоне реки. Высоко над головой снег оседал между колоннами собора; многие ниши были совершенно занесены им. Головы статуй покрылись высокими белыми колпаками из снега. Оконечности водосточных труб обратились в громадные искусственные носы, опущенные книзу. Скамьи точно опухли с одной стороны, и походили на высокие подушки. В промежутках между порывами ветра слышен был унылый звук падающих с крыш капель.

Кладбище св. Иоанна тоже получило свою долю снега. Все могилы были покрыты им; побелели высокие трубы окрестных зданий. Благонамеренные граждане давно уже были в постелях в привычных ночных колпаках. Нигде по соседству не видно было ни огонька, за исключением маленькой полосы света от лампы, которая висела на церковной паперти и, качаясь, бросала колеблющиеся тени туда и сюда. Часы пробили десять, когда прошел патруль со своими алебардами и фонарями. И он не заметил ничего подозрительного на кладбище святого Иоанна.

Однако в этом уснувшем квартале, за кладбищенской стеной, приютился маленький домик, в котором еще не спали, и не спали с дурными намерениями. Ничто не выдавало этого обстоятельства со стороны улицы; только струйка теплого дыма из каминной трубы растопила снег на крыше, да у двери виднелись полузанесенные следы ног. Внутри домика Франсуа Вильон, поэт, с университетским титулом «магистра искусств», да несколько человек из воровской шайки, с которыми он состоял в сообществе, проводили время без сна, за выпивкой. Большая груда горевших углей распространяла яркий свет из камина; около него сидел, растопырив ноги, дон Никлас, пикардийский монах с подоткнутой рясой; свои толстые голые ноги он протянул к огню. Его громадная тень точно разрезала пополам комнату, и свет огня перебегал с одной стороны его обширной фигуры на другую и падал на маленькую лужу между

его растопыренными ногами. Лицо его, сине-багрового цвета от постоянного пьянства, было испещрено сетью толстых вен, обычно красных, а теперь светло-лиловых. Капюшон слез у него с головы назад и имел вид какого-то нароста на его бычачьем затылке.

Направо Вильон и Гюи Табари, тесно прижавшись друг к другу, склонились над куском пергамента; Вильон сочинял балладу о «жареной рыбе», а Табари, смотря из-за его плеча, громко выражал свое восхищение. Поэт был оборванец мрачного вида, маленький, худощавый, со впалыми щеками и длинными ниспадавшими черными локонами. Он с лихорадочной поспешностью прожигал свои двадцать четыре года. Невоздержанность глядела из складок вокруг его глаз и скверная улыбка кривила губы на его выразительном, но не красивом и низменном лице. Странное это было лицо: преобладающими его выражениями были то свинья чувственность, то волчье зверство... Поэт обладал маленькими, цепкими руками, пальцы которых походили на узловатые веревки, и он быстро, выразительно шевелил этими пальцами. Что касается Табари, то это был человек массивного сложения, очень учтивый, с выражением удивительной глупости, сквозившей в его мягком носе и влажных губах; он стал вором, как стал бы наиболагонамереннейшим гражданином, благодаря всемогущему случаю, который управляет жизнью как людей-гусей, так и людей-ослов.

По другую сторону стола Монтины и Тевенен Пенсет играли в азартную игру. В Монтины чувствовались кое-какие остатки дворянского происхождения и изысканных манер. Длинная, гибкая, даже изящная фигура, нечто орлиное и мрачное в лице. Тевенену повезло вдвойне: он после обеда совершил ловкую кражу в предместье святого Иакова, а теперь все время выигрывал в карты. С его губ не сходила пошлая улыбка; плешивая голова, с венком коротких, рыжих кудрей вся порозовела от удовольствия; его выпяченный живот трясся от молчаливого смеха, когда он загребал свой выигрыш.

– Вдвойне или на квит? – спросил Тевенен.

Монтины мрачно кивнул головой.

– *«Предпочтительно есть в пышной обстановке»*, – писал Вильон, – *«есть хлеб и сыр на серебряном блюде, или... или...»* Помоги мне, Гюи!

Табари хихикнул.

«Или есть петрушку на золотом блюде», – писал поэт.

Ветер становился резче; он вздымал снег и иногда с глухим гиканьем и точно надгробным воем гудел в трубе камина. Похолодало и в комнате. Вильон, вытянув губы, подражал порывам ветра, издавая звуки, похожие не то на стон, не то на свист. Эти дикие, отвратительные звуки выводили из себя пикардийского монаха.

– Вы не переносите этой музыки? Она, быть может, напоминает вам скрип виселицы? – смеялся Вильон. – А там наверху настоящая дьявольская пляска! Но только, мои милые, от нее не согреться. Ух как рванул ветер! А как думаете, дон Никлас, не слишком ли холодно сегодня на Сен-Денисской дороге?

Дон Никлас замигал глазами и имел такой вид, точно его кто душил за горло. Монфокон – большая, страшная парижская виселица – стояла как раз на Сен-Денисской дороге, и шутка поэта произвела на него сильнейшее впечатление. Что касается Табари, то он стал неудержимо смеяться и уверять, что никогда не слышал ничего смешнее; хохоча, он держался за бока и кричал петухом. Вильон щелкнул его по носу, и хохот Табари перешел в кашель.

– Ну будет шуметь, – сказал поэт, – придумаем лучше рифму к слову «рыба».

– Вдвойне или на квит! – угрюмо заявил Монтины.

– Пожалуйста, – ответил Тевенен.

– Есть еще что-нибудь в бутылке? – спросил монах.

– Откупорьте другую, – предложил Вильон. – Как можете вы надеяться наполнить такую бочку, как ваша утроба, такой маленькой мерой, как бутылка? И как можете вы надеяться попасть в царство небесное? Сколько вы думаете потребуется ангелов, чтобы втащить туда

пикардийского монаха, подобного вам? Или вы полагаете, что будете вторым Ильей и за вами пришлют колесницу?

– «*Nominibus impossibile*»¹, – ответил монах, наполняя стакан.

Табари чуть не прыгнул от восторга. Вильон опять дал ему щелчок по носу.

– Разрешаю смеяться при моих шутках, если хотите, – сказал он.

– О, это было так хорошо сказано! – воскликнул Табари.

Вильон обратился к нему:

– Придумай же рифму к «рыбе». Ну на что латынь? Что вам с ней делать на страшном суде, когда дьявол поволочет туда Гюи Табари, – дьявол с горбом на спине и раскаленными докрасна когтями. Кстати, по поводу дьявола, посмотрите на Монтины! – добавил он шепотом.

Все трое украдкой, но внимательно посмотрели на картежника. Очевидно было, что счастье не на его стороне. Рот его был скривлен на сторону; нос сморщен, но одна ноздря широко раздувалась. По народному выражению «черный пес взобрался на его плечи» и под этим тяжелым бременем он тяжело, прерывисто дышал.

– Он выглядит так, точно хочет пырнуть его ножом, – прошептал Табари, вытаращив глаза от страха.

Монах также вздрогнул, но отвернулся и протянул руки к огню.

Можно было с уверенностью сказать, что монах вздрогнул от холода, а не от избытка сострадания и опасения за жизнь Тевенена.

– Ну, ну, теперь прочтем балладу! – воскликнул Вильон и отбивая такт руками, стал ее декламировать, обратившись к Табари.

Не успел он дойти до четвертой рифмы, как вдруг произошли внезапные, шумные движения игравших. Игра закончилась, и Тевенен только что хотел было открыть рот, чтобы возвестить о новом выигрыше, как Монтины вытянулся с быстротой змеи и вонзил ему кинжал в сердце. Удар произвел свое действие прежде, чем Тевенен успел закричать или сделать движение. Раз два содрогнулось его тело; руки разжались и опустились; каблуки стукнули об пол. Затем голова его с широко раскрытыми глазами опрокинулась назад, и душа Тевенена Пенсета отправилась к тому, кто ее создал.

Все вскочили на ноги, чтобы броситься на помощь, но было слишком поздно – убийство совершилось в две секунды. Четверо живых товарищей смотрели друг на друга и застыли в своих позах, точно привидения. Открытые глаза убитого смотрели на один угол потолка со странным уродливым выражением.

– Боже мой! – прошептал наконец Табари и стал читать латинские молитвы.

Вильон разразился истерическим хохотом. Он шагнул вперед, отвесил комический, нелепый поклон в сторону Тевенена и захохотал еще более неестественно и громко. Потом грузно, как мешок, опустился на стул, и казалось, он должен был лопнуть от неестественного, горького смеха.

Монтины первый пришел в себя.

– Надо посмотреть, что у него есть, – заметил он и очистил карманы убитого привычной рукой; затем он разделил деньги на четыре равные кучки и расставил их на столе.

– Берите, – сказал он.

Монах взял свою долю с глубоким вздохом, украдкой бросив взгляд на мертвого Тевенена, который начал опускаться и валиться со стула.

– Мы все тут въехали! – вскричал Вильон, подавляя свое веселье. – Эта шутка пахнет виселицей для всех молодцов, что тут есть.

¹ «То, что для людей невозможно»... – начало латинской цитаты о всемогуществе Божьем (прим. перевод.).

И правой рукой сделав в воздухе такой жест, точно что-то быстро упало вниз и стукнулось, он вытянул язык, склонив голову на бок, изображая повешенного. Затем спрятал в карман свою долю добычи и стал болтать ногами, чтобы согреться и восстановить кровообращение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.